

чертой Жития Феодосия Печерского является изображение в нем семейной темы не в агнографических традициях. Нестор много внимания уделил в своем произведении рассказу о борьбе матери Феодосия за сына, окончившейся ее поражением. Эта «семейная» линия Жития показана ярко, живо, с пониманием человеческой психологии. Много места семейная тема занимает и в Житии Сергия Радонежского, и, несмотря на ряд общих житийных штампов, для нее характерны и жизненно яркие коллизии и образы, как исторического, так и общечеловеческого плана. И в Житии Кирилла Белозерского, хотя это труд такого ригориста житийного жанра, как Пахомий Логофет, отразилась реальная в своей основе «семейная» история святого, носящая не совсем обычный для житий характер и поданная в житии остро сюжетно.

В Житии Александра Свирского и в Житии Александра Ошевенского эта «семейная» тема выступает еще рельефнее и занимает в житийном произведении довольно большое место. Интерес к личной жизни героя повествования, хотя герой (аскет, инок, подвижник) отрекается от всего земного и суетного, явно возрастает.

Автор Жития Александра Свирского Иродион, сообщив о том, кто были родители святого и где они жили, рассказывает далее, что после рождения нескольких сыновей и дочерей у супругов долго не было ребенка, и этот ребенок, будущий святой, рождается после многочисленных молитв и обетов. Рассказывая об этом, автор считает нужным отметить такую жизненно яркую деталь: за свое бесплодие «блаженная Василиса (мать Александра Свирского, — Л. Д.) поносима бе и оскорбляема бываше мужем своим» (л. 3 об.).¹¹ Далее, в рассказе о учении святого, о поведении мальчика, о разговоре родителей с сыном, истязавшим свою плоть, Иродион пересказывает соответствующие места из житий Сергия Радонежского и Варлаама Хутынского. После этого он повествует об уходе юноши из дома в монастырь на Валаам. Мотив ухода будущего подвижника от родителей в монастырь с соответствующими рассуждениями об оставлении родителей земных ради отца небесного — традиционен для житийного жанра. Но та подробность, с которой рассказывает об этом Иродион, некоторые оттенки этого рассказа создают определенное настроение, свидетельствуют о попытке автора передать психологию своего героя, выразить словами его чувства и переживания. Конечно, в этом много риторики, традиционных житийных штампов, но за ними можно ощутить стремление передать живые человеческие чувства.

Юноша спрашивает встреченного им старца из Валаамской обители о монастыре. Тот «скажет вся по чину пустынному, и како в монастыре общежительное пребывание, и особно по двема или трем купнодушно, и отходное уединением в пощении и молчалие живущих. И о всех сказав ему изящне» (л. 10 об.). Юноша, обливаясь слезами, говорит, что теперь он воистину убедился в благости монастырской жизни, и обращается за советом — как ему покинуть мир: «Что же аз сотворю, честный отче, и како возмогл бых убежати многомятежнаго мира сего жития и таковыя жизни аггельския сподобитися?» (л. 11). Если я стану проситься у родителей, продолжает он, то они меня не отпустят и «восхотят браку причтати мя . . . Хотел же бых бежати и пути не веде. Егда како блудящу ми намнозе постигнет мя отец мой, яко мощну ему суцу, и возвратит мя. И в скорбь отца вложу, себе же в студ мног и по сих не управлен буду таковому рачению» (л. 11 об.). Старец говорит отроку, что «желанная есть любви родителей и союз естества нерушима», но ради служе-

¹¹ Текст цитируется по списку ГПБ, Соловецкое собр., № 228.